

тѣмъ, кто ему сказалъ бы, что это одни лишь «отвлеченія», да мы и не думаемъ говорить это, а указываемъ на то, что въ такомъ случаѣ нельзя признать простыми отвлеченіями идеалы общественныя, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой. Исходя изъ того, что объективная цѣль исторіи намъ неизвѣстна, онъ распространяетъ эту неизвѣстность и на область нашихъ субъективныхъ требованій отъ исторіи, пронизируя надъ мыслителями, видящими цѣль исторіи въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи (другой программы, кажется, нѣтъ,— замѣчаетъ онъ), ибо «ничѣмъ-де не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи!» (VI, 251). Отсюда у него нѣтъ иного критерія для суда надъ исторіей, кромѣ исключительно этического идеала, съ точки зрѣнія котораго можно не одобрять извѣстныхъ лицъ и извѣстные поступки: вспомнимъ, на примѣръ, его строгій приговоръ, хотя бы надъ Наполеономъ. Онъ не допускаетъ, что «*такъ-называемая наука имѣетъ для историческихъ лицъ и событій неизмѣримое мѣрило хорошаго и дурнаго*» (VI, 154), хотя съ моральной точки зрѣнія самъ же видитъ въ простотѣ, добрѣ и правдѣ мѣрило величія отдѣльной личности. Онъ осмѣиваетъ историковъ, которые «профессируютъ знаніе конечной цѣли движенія человѣчества» (та же страница), считая идеи свободы, равенства, просвѣщенія пустыми отвлеченіями. Слышится, на примѣръ, въ его словахъ какой-то проницательскій тонъ по поводу неодобренія историками реакціи послѣ низложенія Наполеона,—неодобренія «*на основаніи того знанія блага человечества, которымъ они обладаютъ*» (VI, 152). Правда, онъ ссылается на то, что «историкъ точно также по прошествіи нѣкотораго времени окажется несправедливымъ въ своемъ воззрѣніи на то, что есть благо че-